Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Забытый Imperium

16.10.2026.

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium © Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

Последний Венецианский кинофестиваль, похоже, войдет в историю кино не только и даже не столько фильмами, сколько скандалами, разразившимися вокруг его программы. Первый начался еще до открытия Мостры: включение в конкурс «DAU» Ильи Хржановского вызвало протест официального Киева, несмотря на то, что еще в феврале 2022 года режиссер выступил против войны, в марте уехал из России, а в 2024 году был внесен Министерством юстиции РФ в список «иностранных агентов». Впрочем, постепенно страсти улеглись, фильм был показан, а Хржановский в итоге получил «Серебряного льва» за лучшую режиссуру. Второй скандал разразился уже под занавес фестиваля вокруг «NAZA» Юваля Абрахама и Рахель Сзор, получившего специальный приз жюри. Фильм, авторы которого называют его документальным расследованием системы принятия решений израильской армией в Газе, вызвал бурную реакцию еще в Венеции, а затем и в Израиле. Думаю, о нем мы еще много услышим и, возможно, узнаем немало интересного об истории его создания и финансирования.

Жаль только, что за всем этим шумом гораздо меньше внимания привлек другой

фильм, показанный в Венеции вне конкурса, – «Imperium» Сергея Лозницы. Может быть, пора просто признать, что Советский Союз действительно канул в прошлое и сегодня мало кого интересует? Но трехчасовое путешествие Лозницы по стране, которой больше нет, показалось мне одним из самых интересных фильмов нынешней Мостры.

Путешествие это необычно уже потому, что все, что мы видим на экране, было зафиксировано на пленку не Лозницей и даже не советскими операторами. Это архивные материалы, отснятые итальянскими кинематографистами во время трех поездок по Советскому Союзу в 1970–1973 годах для телевизионного проекта Mirror of Russia («Зеркало России»). Они побывали более чем в двадцати регионах огромной страны, от Москвы и европейской части СССР до Средней Азии, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Спустя более полувека Сергей Лозница обнаружил эти материалы в итальянских архивах и, будучи мастером монтажа, создал из них совершенно новый фильм, предъявив его зрителям XXI века, уже знающим, чем все закончилось. Поэтому на протяжении всего фильма трудно отделаться от вопроса: что действительно содержится в этих кадрах, что увидели в них снимавшие их итальянцы, а теперь и Лозница и что привносим в них мы сами этим своим знанием?

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium
© Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

Название сразу предлагает ключ к авторскому прочтению. Почему латинское Imperium, а не английское Empire? Сам Лозница объясняет свой выбор желанием подчеркнуть не столько государство, сколько власть над территорией. И латинское слово действительно позволяет провести это различие: *imperium* первоначально означало власть и осуществлять верховные полномочия, и лишь позднее приобрело привычную нам ассоциацию с империей как государством. Поэтому я услышала в названии фильма не просто «Империю», а сам принцип ее существования: огромную территорию и власть, которая пытается эту территорию объединить, организовать и удержать.

Сергей Лозница не заставляет зрителя долго гадать, что он имеет в виду. Первые кадры – Красная площадь, 1973 год, парад физкультурников. Разгар эпохи, которую впоследствии назовут застоем, Брежнев, стройные ряды молодых людей, красные знамена, лозунги о мире – те самые, за которые сегодня в России можно получить срок. Над этой идеально организованной массовкой звучит одна из самых знаменитых советских песен – «Широка страна моя родная» Исаака Дунаевского на слова Василия Лебедева-Кумача в исполнении знаменитого баса Марка Рейзена с хором и оркестром Большого театра. Трудно придумать более официальный – и официозный – образ державы: солист и оркестр главного театра страны, Красная площадь и песня, в которой сама география превращается в государственную идею: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей…»

А затем камера как раз и отправляется от Москвы к этим самым окраинам. Арктика, Украина, Кавказ, Прибалтика, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток. Города и деревни, заводы и колхозы, национальные праздники в сопровождении национальных мелодий, свадьбы, спортивные состязания, рабочие, крестьяне, охотники, дети. Звучат разные языки, меняются лица, одежда, обычаи, пейзажи. Страна, которую первая песня фильма объявляет единой, на глазах становится все

более разной.

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium
© Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

И здесь у Imperium обнаруживается важный кинематографический предок, на которого указывает сам Лозница, – снятая ровно сто лет назад, в 1926 году, «Шестая часть мира» Дзиги Вертова. Сходство принципиальное: Вертов тоже пытается охватить камерой необъятное пространство Советского Союза и показать множество народов, ландшафтов и укладов жизни как части единого целого. Его камера тоже движется от центра к окраинам, от города к степи, от промышленности к традиционному хозяйству, превращая географическое пространство в образ государства.

Но спустя столетие знак меняется. Для Вертова разнообразие народов и территорий становится доказательством грандиозности нового советского проекта. Его фильм не скрывает своей идеологии, напротив, она является его движущей силой. Лозница берет сходную панораму огромной страны, но смотрит на нее уже после распада СССР. Там, где Вертов собирал пространство в единое целое, Лозница предлагает задуматься над тем, каким образом это целое было собрано и удерживалось. И если у Вертова бесконечное разнообразие национальных костюмов, обычаев и пейзажей должно было доказывать единство новой страны, то у Лозницы демонстрация того же многообразия постепенно заставляет задуматься о непрочности этого единства. При этом в фильме нет закадрового голоса, который объяснял бы зрителю, что именно он должен увидеть и какой вывод сделать. Автор присутствует иначе: в выборе материала, в последовательности и длительности кадров, в сопоставлениях, в звуке и, конечно, уже в самом названии фильма.

Советская официальность иногда выглядит почти гротескно: портреты членов Политбюро, лозунги, церемонии, бесконечное воспроизводство государственной символики. Но постепенно начинаешь замечать нечто более существенное. Куда бы ни приехала камера, перед ней словно разыгрывается очередной спектакль. Меняются декорации, костюмы и национальные мелодии, но сам принцип остается прежним: огромная страна снова и снова представляет себя такой, какой хочет выглядеть. Праздники, торжественные встречи, народные танцы, демонстрации благополучия и дружбы народов складываются в бесконечную инсценировку единства.

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium
© Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

Эту театрализованность подчеркивает и сам монтаж: один эпизод заканчивается, экран становится красным, и только после этой заставки начинается следующий – почти как очередной номер большой концертной программы. В какой-то момент я поймала себя на ассоциации с программами знаменитого ансамбля Игоря Моисеева, объехавшего весь мир: один народ сменяет другой, у каждого свои костюмы, музыка,

танцы, обычаи, и все это многообразие складывается в единое, безупречно организованное представление. Только здесь сценой служит вся территория Советского Союза.

На этом фоне меня поразило присутствие религии. Мы видим православную церковь в Москве, мечеть в Бухаре, буддийский храм в Бурятии... В фильме о Советском Союзе начала 1970-х, официально атеистическом государстве, эти кадры неожиданны. Возможно, итальянским операторам их показывали именно как еще одно свидетельство национального и культурного многообразия огромной страны и свободы вероисповедания в ней. Но сегодня они воспринимаются иначе: сквозь тщательно выстроенную советскую декорацию проступает куда более древняя карта страны – с ее религиями, традициями и идентичностями, которые советская унификация так и не смогла окончательно растворить. При этом изумительный кадр с пастухом-калмыком, слушающим по транзистору арию Ленского в исполнении Ивана Козловского, кто-то сегодня может интерпретировать как свидетельство насильственного насаждения русской культуры. Сколько зрителей, столько и мнений.

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium
© Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

Чем дольше смотришь, тем отчетливее проступает разрыв между инсценировкой и реальностью. Парадная роскошь оборачивается убогой изнанкой, за демонстрацией изобилия обнаруживается скудость, за тщательно разыгрываемым национальным колоритом – унификация, за лозунгами – ложь, настолько привычная, что она уже стала частью повседневного пейзажа. Возможно, именно здесь и находится один из ответов на вопрос, почему государство, казавшееся столь огромным и незыблемым, менее чем через двадцать лет распалось с такой поразительной легкостью. Лозница этого не объясняет, он просто позволяет трем часам хроники постепенно подвести нас к последнему кадру.

На черном фоне появляются красные буквы: «On December 26, 1991 the USSR ceased to exist» – 26 декабря 1991 года СССР прекратил свое существование.

И все. Никакого комментария. Да он и не нужен.

После увиденного эта дата воспринимается не как историческая справка, а как логический финал истории, к которому нас вели почти три часа: ощущение внутренней непрочности империи возникло гораздо раньше, поэтому ее распад уже не удивляет.

Но перед нами не только государство и не только система, а люди, которые смотрят прямо в объектив, иногда с любопытством, иногда настороженно, иногда смеясь. Они еще не знают, что живут в «позднем СССР», что историки назовут их время эпохой застоя и что менее чем через двадцать лет их страна исчезнет с карты мира. Для них это не архив и не исторический документ. Это их настоящее.

Кадр из фильма Сергея Лозница Imperium
© Essential Filmproduktion, Kino Produzioni, Société Parisienne de Production, Studio Uljana Kim - footage courtesy of AAMOD

И тут снова звучит «Широка страна моя родная», та же песня, которой фильм открывался. Только теперь ее поет Петр Лещенко, один из самых популярных русских певцов эмиграции, чьи записи десятилетиями не принадлежали к официальному советскому культурному пространству. Судьба самого Лещенко придает этому выбору особую горечь: в 1951 году он был арестован в антракте собственного концерта органами госбезопасности социалистической Румынии и спустя три года умер в тюремной больнице Тыргу-Окна. Место его захоронения неизвестно.

Круг замыкается. В начале – Марк Рейзен, Большой театр, Красная площадь и официальное торжество советской державы. В конце – Петр Лещенко, русский голос из-за ее границ. Песня та же, слова те же, страна, о которой поется, та же, но смысл уже совсем другой.

Не знаю, рассчитывал ли Сергей Лозница на то, что зритель узнает оба голоса и считает это противопоставление, но для меня оно стало одним из самых точных монтажных жестов фильма. Что такое империя – территория, политическая система, идея единства, взгляд из центра на окраины? И что остается от нее, когда исчезает само государство, а остаются люди, пейзажи, песни и километры кинопленки?

Сергей Лозница
Венецианский кинофестиваль
Петр Лещенко
Дзига Вертов

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/imperium-sergei-loznitsa*